

## ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01

### Правильная ссылка на статью:

Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3—18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.

### For citation:

Brodovskaya E. V., Huang T. (2019) Digital generation: civil mobilization and political protest among Russian youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 3—18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.



**Е. В. Бродовская, Т. Хуанг**

### **ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ: ГРАЖДАНСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ: ГРАЖДАНСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

DIGITAL GENERATION: CIVIL MOBILIZATION AND POLITICAL PROTEST AMONG RUSSIAN YOUTH

*БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна — доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; лидер российской национальной команды, Мировой Интернет-проект, Москва, Россия*

*E-MAIL: [ev.brodovskaya@gmail.com](mailto:ev.brodovskaya@gmail.com)*

*<https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>*

*Elena V. BRODOVSKAYA<sup>1,2</sup> — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor of the Department of Political Science and Mass Communications; Leader of the Russian National Team*

*E-MAIL: [ev.brodovskaya@gmail.com](mailto:ev.brodovskaya@gmail.com)*

*<https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>*

<sup>1</sup> Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

<sup>2</sup> World Internet Project, Moscow, Russia

*ХУАНГ Тони — доктор политических наук, профессор Департамента публичного управления, декан колледжа социальных наук, Национальный университет Чжэнчжи, Тайбей, Тайвань; заместитель директора, Исследовательский центр электронного правительства Тайваня, Тайбей, Тайвань; лидер тайваньской национальной команды, Мировой Интернет-проект, Тайбей, Тайвань*  
E-MAIL: tyhuang@nccu.edu.tw  
<https://orcid.org/0000-0001-5388-5584>

*Tong-Yi HUANG<sup>3,4,5</sup> — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Public Administration, Associate Dean of College of Social Sciences; Deputy Director; Leader of the Taiwan National Team*  
E-MAIL: tyhuang@nccu.edu.tw  
<https://orcid.org/0000-0001-5388-5584>

<sup>3</sup> National Cheng-chi University, Taipei, Taiwan

<sup>4</sup> Taiwan E-Governance Research Center, Taipei, Taiwan

<sup>5</sup> World Internet Project, Taipei, Taiwan

**Аннотация.** В статье представлен анализ базовых трактовок понятия «цифровое гражданство». Основной исследовательский вопрос на который ориентировались авторы: с чем в первую очередь связан высокий уровень протестного потенциала цифрового поколения, это внутренняя характеристика носителей культуры цифрового гражданства или скорее поведенческая стратегия, актуализированная мобилизационными эффектами социальных медиа? Отвечая на поставленный вопрос, авторы реализовали прикладное исследование, применяя метод массового опроса и процедуру онлайн-анкетирования. Полевой этап исследования прошел в июле-сентябре 2019 г. Выборочная совокупность составила 1000 респондентов, репрезентативна по полу, возрасту (в соответствии со статистическими данными о представленности в составе российской молодежи групп 15—19 лет, 20—24 лет и 25—29 лет) и территориальной принадлежности (в выборке воспроизведено соотношение численности молодежи во всех федеральных округах РФ). В рамках исследования были проанализированы основные гражданские и политические практики, востребованные

**Abstract.** The article presents the analysis of the "digital citizenship concept" basic interpretations. The key research question: what is primarily associated with the high level of digital generation protest potential, is it an internal characteristic of the culture of digital citizenship carriers or rather a behavioral strategy, actualized by the social media effects mobilization? Answering the question, the authors implemented an applied research, using the method of mass survey and online questionnaire procedure. The field stage of the study was held in July-September 2019. the sample consisted of 1000 respondents, representative by gender, age (according to statistical data on the representation of the Russian youth groups of 15–19 years, 20–24 years and 25–29 years) and territorial affiliation (the sample reproduced the ratio of the number of young people in all Federal districts of the Russian Federation). The study analyzed the main civil and political practices demanded by young Russian users in online and offline environments, the scale of protest mobilization in social networks, the repertoire of protest messages, protest attitudes of digital citizens. Typology of online survey database defined four clusters of youth differs by their protest

молодыми российскими пользователями в онлайн- и офлайн-средах, масштаб протестной мобилизации в социальных сетях, репертуар протестных сообщений, протестные установки цифровых граждан. Подвергнув кластеризации массив данных опроса, авторы выделили четыре типа носителей разного уровня протестного потенциала в среде российской молодежи: «зрители», «вовлеченные», «активисты», «лидеры». В свою очередь, процедура многомерного шкалирования позволила зафиксировать дифференциацию ценностных профилей и стилей жизни носителей разного типа протестного потенциала. Ключевой вывод исследования заключается в том, что наибольший потенциал протестной активности проявляют вовсе не типичные представители цифрового поколения, а те, чей ценностный выбор и стратегии цифрового гражданства скорее отклоняются от общераспространенных.

**Ключевые слова:** цифровизация, цифровой гражданин, цифровое гражданство, политические эффекты цифровых коммуникаций, цифровое поколение, политический протест, протестный потенциал молодежи

**Благодарность.** Мы сердечно благодарим, прежде всего, авторов тематического выпуска «Цифровизация экономики, политики и гражданского общества». Огромное спасибо за новые идеи, свежие подходы, нестандартные выводы и вдохновение. Выпуск бы не состоялся без фантастической команды ВЦИОМ, энергии и трудолюбия ответственного редактора Анны Кулешовой. Мы очень признательны Дмитрию Чижову за идею выпуска. Мы говорим большое спасибо нашим

potential levels: "spectators", "involved", "activists", «leaders». In turn, the procedure of multidimensional scaling allowed fixing the differentiation of value profiles and lifestyles of carriers of different types of protest potential. The key conclusion of the study is that the greatest potential of protest activity is shown not by typical representatives of the digital generation, but by those whose value choices and strategies of digital citizenship rather deviate from the common ones.

**Keywords:** digitalization, digital citizen, digital citizenship, the political effects of digital communications, the digital generation, political protest, youth protest potential

**Acknowledgments.** We would like to thank from our hearts the authors of the special issue "Digitalization: Economy, Politics, Civil Society" – thanks a lot for new ideas, fresh approaches, original conclusions, and inspiration. This special issue would not have taken place without the fantastic team of VCIOM, and the energy and diligence of the Executive Editor Anna Kuleshova. We would like to thank Dmitriy Chizhov for the idea of this special issue. Many thanks to our colleagues Roman Pyrma, Anna Dombrovskaya,

коллегам Роману Пырме, Анне Домбровской, Артуру Азарову, Алексею Синякову, Дмитрию Карзубову, Лилии Рязановой за помощь в сборе, обработке и анализе материалов исследования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31-291 «Культура „цифрового гражданства“ российской молодежи: акторы, технологии формирования, общественно-политические эффекты».

Artur Azarov, Alexey Sinyakov, Dmitriy Karzubov, Liliya Ryzanova for the help in gathering, processing and analyzing the materials of the study.

The study conducted with a financial support of RFBR and EISR within the project № 19-011-31-291 “Russian youth “digital citizenship” culture: actors, formation technologies, socio-political effects”.

Тематический выпуск, представленный уважаемым читателям в пятом номере журнала «Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены» за 2019 год, задумывался как своего рода агрегатор прикладных социологических и политических исследований базовых трендов цифровизации экономики, политики и гражданского общества. Благодаря нашим уважаемым авторам мы осуществили задуманное.

Обращает на себя внимание существенная дифференциация интерпретаций главных черт цифровой эпохи, представленная в статьях авторов: «цифровая трансформация» (М. Павлютенкова), «цифровизация экономики» (С. Расторгуев, Ю. Тян), «медиатизация» (Э. Сирмаи; Е. Островская), «цифровая демократизация» (В. Василькова, Н. Легостаева, В. Радусhevский), «цифровой разрыв» (Д. Добринская, Т. Мартыненко), «инклюзивность цифровых коммуникаций» (С. Володенков) и др. При этом авторы затрагивают самые разные направления и сектора общественной и политической жизни, подверженные интенсивному влиянию цифровизации: развитие НКО (И. Корнеева, А. Брюхно), становление электронного здравоохранения (С. Годой, Г. Бастиас), эволюция электронного участия (Л. Видясова, Е. Видясов, Я. Тензина; Ю. Мисников, О. Филатова), изменение профессиональной культуры (А. Домбровская, Р. Пырма, И. Батанина) и др. «Цифровой бунт», дискурс политического протеста и его репрезентация в цифровой среде отражены в статьях, авторы которых анализируют сложные системы связей между онлайн- и офлайн-форматами политической вовлеченности интернет-пользователей, такие как обсуждение акций протеста в социальных сетях (А. Ахременко, И. Филиппов), поиск публикационных стратегий протестных онлайн-сообществ (К. Платонов, Д. Юдина), информационное противостояние политических мемов (С. Шомова), управление социально-медийными информационными потоками, возникающими вокруг резонансных событий и непопулярных решений (С. Белоконев, В. Титов, З. Усманова), актуализация политических эффектов цифрового экологического активизма (Т. Каминская, И. Помигуев, Н. Назарова). Обобщив проблематику данного тематического выпуска, мы отчетливо увидели, что основной темой, объединяющей всю палитру, представленных исследований,

является цифровой гражданин (*digital citizen*), чьи гражданская и политическая активности в силу определенной поколенческой принадлежности перенесены преимущественно в пространство интернета и мобильных технологий (*digital generation*), формирующее новые ориентиры и стандарты, иные, чем у предыдущих поколений, основания для системы идентичностей, солидаризации, выбора стратегии поведения (*digital citizenship*).

### **Проблемное поле исследования**

Скорость и технологии «цифровизации всего» в существенной мере способствуют интенсивным изменениям ценностных приоритетов и стиля жизни цифрового поколения. Массовый запрос на минимализм, экологизм, шеринг, коммуникацию и мобильность без границ едва ли был возможен в доцифровую эпоху. Эффекты же цифровой эпохи меняют потребительские стратегии, социальную структуру и институты общества, формируют приоритетность получения удовольствия от жизни в противовес родительским стратегиям обладания собственностью, стимулируют развитие новых экономических форматов: «экономики доверия», «экономики внимания», «менеджмента впечатлений» и др. Простота и скорость поиска единомышленников, с одной стороны, мобилизационные возможности интернета и мобильных технологий — с другой, способствуют масштабному переносу гражданских и политических практик в онлайн-пространство, что позволяет наделять представителей цифрового поколения чертами «цифровых бунтарей», выражающих свою политическую субъектность и возросший потенциал влияния на площадях городов по всему миру.

Проблемное поле изучения цифрового гражданства связано с несколькими исследовательскими вопросами, поиск ответов на которые традиционно раскалывает научное сообщество на противоборствующие стороны. Во-первых, на основании каких критериев определяется принадлежность к цифровому поколению и насколько универсальны данные критерии в условиях значительной диверсификации скорости формирования национальных интернет-аудиторий? Во-вторых, является ли цифровое гражданство поколенческой характеристикой и насколько унифицированы ценностные ориентации, нормы и стратегии поведения представителей цифрового поколения? В-третьих, с чем в первую очередь связан высокий уровень протестного потенциала цифрового поколения — это внутренняя характеристика носителей культуры цифрового гражданства или скорее поведенческая стратегия, актуализированная мобилизационными эффектами социальных медиа?

### **Исследовательский фрейм**

Определяя критерии принадлежности к цифровому поколению, необходимо указать на основные заделы, сформированные в рамках социологических и политических исследований цифровых граждан. Первая и максимально широкая трактовка принадлежит Джареду Коэну и Эрику Шмидту, отождествляющим принадлежность к «сетевому клубу» или, иными словами, пользовательский статус и цифровое гражданство [Коэн, Шмидт, 2013]. Несмотря на свою популярность, данная версия содержательного наполнения понятия «цифровые граждане» является объектом

для критики, прежде всего в силу того, что она не учитывает и не описывает пользовательские стратегии. Вторая позиция связана с исследованиями команды Института интернета Оксфордского университета под руководством Гранта Уэля Бланка [Blank, Grosej, 2014], заложившего в основу типологизации интернет-культур современных британцев такие критерии, как пользовательская активность и преобладающий тип потребляемого интернет-контента. Несомненно прорывное исследование, тем не менее, не давало ответ на вопрос, можем ли мы причислить к цифровым гражданам существенный по весу кластер традиционалистов, чьи интернет-практики могли и вовсе не затрагивать социально-экономическую или политическую проблематику. Наконец, третья интерпретация была предложена Карен Моссбергер и соавторами [Mossberger, Tolbert, McNeal, 2007], которые ввели в научный оборот и концептуализировали понятие «цифровое гражданство», понимаемое как система ценностей, норм, стратегий, обеспечивающих ответственное, безопасное и эффективное поведение в условиях интернет-коммуникации. Таким образом, К. Моссбергер в квалификации цифровых граждан опирается на две группы критериев: регулярность пользовательских практик и их социально-экономические и политические эффекты.

Широко растиражированная теория поколений демографа Нейла Хоува и историка Уильяма Штрауса [Howe, Strauss, 1992] причисляет к цифровым гражданам представителей *поколения Z*, социализация которых совпала с цифровой эпохой. Однако универсальна ли данная теория и можем ли мы в целом говорить об одном цифровом поколении, учитывая как минимум три волны распространения массового интернета? Формирование национальных интернет-аудиторий в странах Северной Америки и Северной Европы минимум на пять лет опережает аналогичные процессы в ряде стран Восточной Европы, Латинской Америки и России. В свою очередь, развитие «сетевых клубов» в Китае или ЮАР не так давно преодолевших доминирование непользователей над пользователями, хронологически не совпадает со странами «второй волны» распространения массового интернета. Огромная заслуга К. Моссбергер заключается также в том, что она увидела в проблемном поле исследований цифрового гражданства многообразие цифровых стратегий и воплощений цифрового гражданства, которые зависят не только от поколенческой принадлежности, но в большей степени от социокультурных факторов, отражающих, среди прочего, специфику сложившейся национальной интернет-аудитории. Ряд исследователей (Ребекка Йнон, Ларс-Эрик Молберг), благодаря прикладному исследованию молодежной аудитории цифровых коммуникаций, выявили четыре типа профилей использования интернета: периферийные, нормативные, универсальные и активные участники [Eynon, Malmberg, 2011].

Ариадна Вромен исследует радикальные эффекты, возникшие в социальных сетях и обусловленные деятельностью преимущественно правозащитных организаций, которые мобилизуют и организуют цифровых граждан для участия в политической жизни. Профессор Университета Сиднея убедительно доказывает, что изменения в гражданских и политических практиках связаны не только и не столько с технологическим прогрессом, но в большей мере подкреплены гибридизацией медиасферы, новыми политическими нарративами и сетевым поколением политических акторов [Vromen, 2017: 9—49]. Такая постановка про-

блемы созвучна вопросу, который поставила в своем исследовании бунтующей египетской молодежи Линда Эррера [Herrera, 2012]: могут ли они (*поколение цифрового бунта*) также эффективно формировать устойчивые демократические общества? Замысел и реализация нашего исследования — это попытка ответить на данный вопрос, но в отношении российской молодежи.

### **Методология и методика исследования**

В настоящем исследовании мы опирались на следующую совокупность методологических подходов: *новый институционализм* в его исторической версии позволяет определять принадлежность к цифровому поколению, исходя из исторической точки распространения массового интернета и учета особенностей национальной интернет-аудитории; *когнитивный подход*, нацеленный на исследование базового противоречия цифровой эпохи — соотношения рационального, иррационального и псевдорационального компонентов в стратегиях онлайн-пользователей; *сетевой подход*, отражающий сетевую природу цифровых коммуникаций, их мобилизационные эффекты, касающийся противоречий, связанных с управляемыми и стихийными информационными социально-медийными потоками.

Всероссийский массовый опрос молодежи осуществлен в формате онлайн-анкетирования (июль — сентябрь 2019 г.). Выборочная совокупность составила 1000 респондентов, репрезентативна по полу, возрасту (в соответствии со статистическими данными о представленности в составе российской молодежи групп 15—19 лет, 20—24 лет и 25—29 лет) и территориальной принадлежности (в выборке воспроизведено соотношение численности молодежи во всех федеральных округах РФ). Ошибка выборки — 4,2%. В процессе отбора респондентов и их приглашения к участию в опросе по ссылке на электронную анкету использовались социальные сети «ВКонтакте», Facebook и микроблог Twitter. В ходе обработки полученных эмпирических данных выбраковке подвергались все анкеты, имеющие незаполненные ответы, по итогам проверки осуществлен ремонт выборочной совокупности.

Кластеризация базы данных онлайн-опроса российской молодежи осуществлена с применением программы SPSS Statistics 18.0. Перед применением кластерного анализа исходные номинальные шкалы были преобразованы в порядковые. Кластерный анализ методом К-средних реализовывался поэтапно в процессе обработки данных группировки по следующим параметрам: протестный потенциал молодежи, отношение опрошенных к цензуре незаконного интернет-контента, уровень готовности респондентов к цифровой демократии, специфика жизненных ценностей опрошенной молодежи.

### **Основные результаты**

Одной из гипотез прикладного исследования культуры цифрового гражданства и протестного потенциала российской молодежи выступает предположение о том, что цифровое поколение в России существенно дифференцировано по стратегиям гражданских и политических практик онлайн, ролям в цифровых коммуникациях протестного характера. Это предположение подтверждается следующими данными.

Во-первых, сопоставляя ответы на вопросы о том, какие формы поведения характеризуют молодых российских пользователей онлайн и офлайн (см. рис. 1

и рис. 2), можно увидеть более серьезную вовлеченность молодежи в цифровые форматы: интерес к политическим ресурсам органов власти (29,1%), к онлайн-сообществам, обсуждающим политические темы (27,8%), онлайн-ресурсам оппозиционных политических сил (26,1%). В преобладающих ответах на представленные вопросы отражена базовая черта цифрового поколения — ориентация на разнообразные источники информации и их широкий охват, отсутствие жестких идеологических рамок, предопределяющих потребление контента.

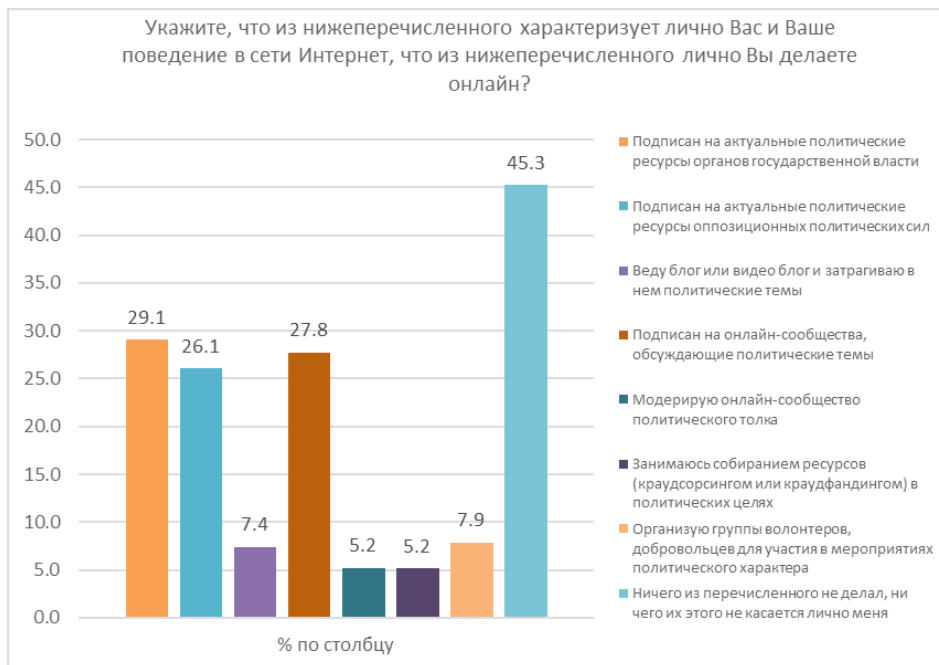


Рисунок 1. Гражданские и политические практики российской молодежи в онлайн-среде (2019 г.)

Во-вторых, они не просто смотрят, читают и обсуждают политическую повестку дня, но действуют онлайн: 7,9% — рекрутируют волонтеров для участия в политических мероприятиях; 7,4% — ведут блог и затрагивают в нем политическую проблематику; по 5,2% — модерируют онлайн-сообщество политической направленности; собирают ресурсы для политических целей (см. рис 1). Мы зафиксировали не только дифференциацию стратегий политического поведения онлайн, но и ролевую дифференциацию, отделяющую зрительскую активность и вовлеченность от деятельностного активизма. Трудно не заметить, что наиболее активные цифровые граждане России освоили технологии и инструменты, позволяющие конкурировать за интерес аудитории, осуществлять поиск единомышленников, мобилизовать ресурсы и т. д. При этом каждый второй молодой россиянин (45,3%) дистанцируется от политического информационного потока в социально-медийной среде.

В-третьих, молодые россияне демонстрируют гораздо более скромные параметры политических практик в реальной среде (см. рис. 2). Доминирующими



формами политического поведения являются участие в голосовании на выборах (61,5% опрошенных имеют такой опыт), подписание обращений и петиций офлайн (35,5%). Более 13% участвовали в избирательных кампаниях в качестве агитаторов, и такая же доля респондентов были участниками собраний, митингов, акций протеста. Почти 10% российской молодежи входят в общественные организации, 6,8% — в парламентские политические партии, 4,9% — имеют статус сторонников парламентских партий, 5,3% — имеют членство непарламентских политических партий, 6,5% — имеют статус сторонников непарламентских политических партий. Таким образом, и парламентские, и непарламентские политические силы в России имеют равное по весу молодежное представительство. Кроме этого, в наибольшей степени в молодежной среде востребованы реальные политические практики, не связанные с партийным статусом.

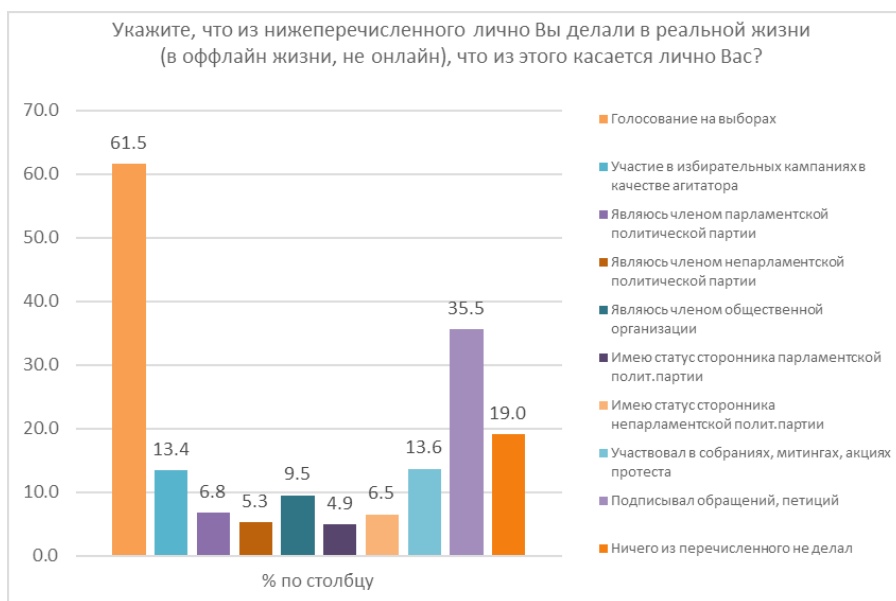


Рисунок 2. Гражданские и политические практики российской молодежи в офлайн-среде (2019 г.)

В-четвертых, мы оценили масштаб протестной мобилизации в российских социальных сетях и пришли к заключению, что молодые российские пользователи являются «группой-мишенью», основным адресатом протестного контента в онлайн-пространстве (см. рис. 3). Раз в неделю и чаще сталкиваются в социальных медиа с сообщениями, призывающими принять участие в гражданских/политических акциях протеста 26,8% молодых российских пользователей, тогда как 48,4% опрошенных встречают такие сообщения реже, чем раз в неделю. Существенный масштаб мобилизации протестных настроений в среде социальных медиа свидетельствует о том, что высокий протестный потенциал цифрового поколения может быть отчасти обусловлен содержанием и интенсивностью информационных потоков протестной направленности.

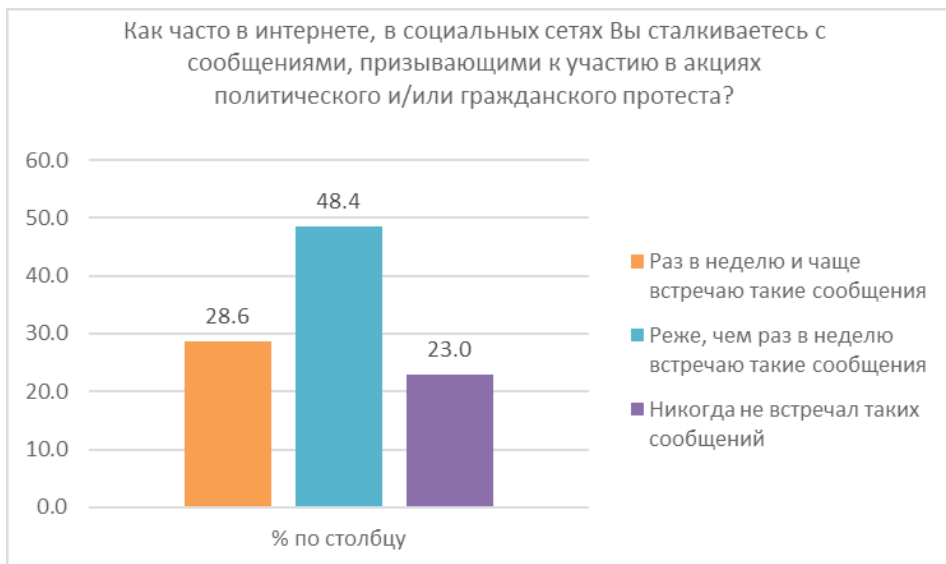


Рисунок 3. Масштаб мобилизации политического протеста в социальных сетях (2019 г.)

В-пятых, анализируя репертуар протестных сообщений, адресованных молодежи в социальных медиа, мы обратили внимание на то, что преобладают темы, отражающие следующие проблемы: ущемление прав граждан (48,3% респондентов сталкивались с подобными сообщениями), борьба с коррупцией (46,7%), нарушения при организации и проведении выборов (36,8%), несправедливые решения Правительства (36,4%), ограничение прав интернет-пользователей (32,9%) (см. рис. 4). Следовательно, протестная повестка в российских социальных сетях адаптирована под особенности и запросы цифрового поколения более постматериалистичного (по терминологии Р. Инглхарта [Inglehart, 2018]), чем предшествующие поколения.

В-шестых, исследование сформированности протестных установок у молодых российских пользователей основывалось на фиксации поведенческих стратегий в ситуации призыва к участию в акции гражданского/политического протеста (см. рис. 5). Примерно треть российской молодежи индифферентна к протестному контенту в социальных медиа: 32,5% пропускают подобную информацию и предпочитают не вчитываться в детали. Несколько выше доля респондентов интересующихся протестной повесткой в пространстве социальных медиа: 36,7% прочитывают соответствующие сообщения и внимательно знакомятся с ситуацией. Начинают действовать 12,1% опрошенных, из них: 5,1% — связываются с организаторами и интересуются, чем могут помочь, 4,7% — осуществляют поиск единомышленников среди своих друзей и знакомых, 2,3% — обязательно принимают участие. Подвергнув кластеризации массив опроса, мы выделили четыре типа носителей разного уровня протестного потенциала в среде российской молодежи: «зрители» — 50,8%, «вовлеченные» — 37%, «активисты» — 7%, «лидеры» — 5,1% (см. рис. 6).

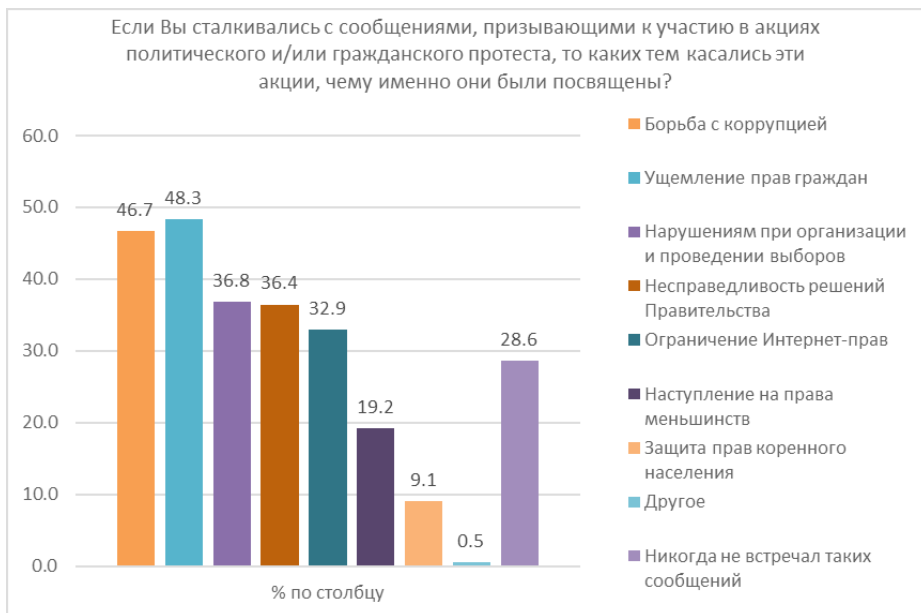


Рисунок 4. Репертуар гражданского/политического протеста в социальных сетях (2019 г.)



Рисунок 5. Установки протестного поведения молодых российских пользователей социальных сетей (2019 г.)

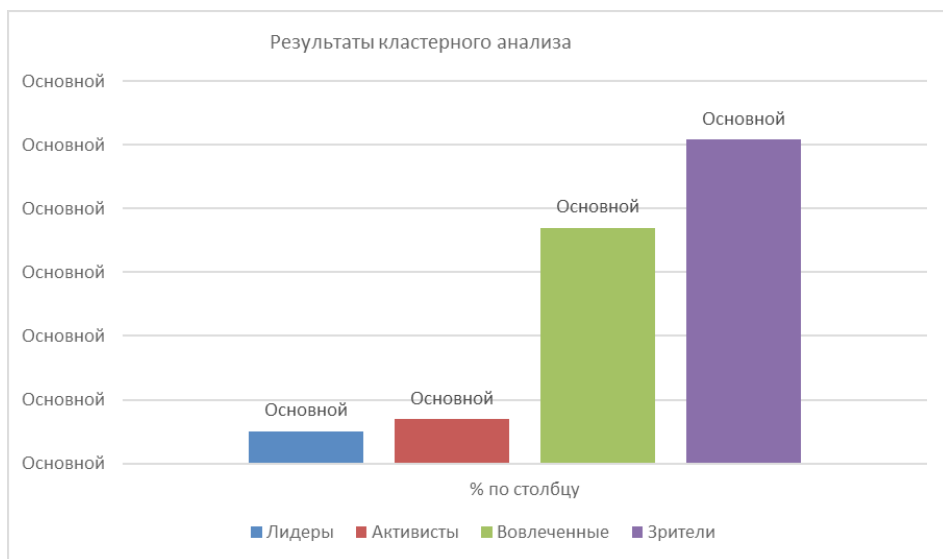


Рисунок 6. Кластеризация российской молодежи по типу протестного потенциала (2019 г.)

В-седьмых, применение процедуры многомерного шкалирования к исследованию ценностных профилей носителей разного типа протестного потенциала позволило сформулировать вывод о зависимости стратегий цифрового гражданства от жизненных приоритетов и образа будущего (см. рис. 7—9). В ядре ценностных приоритетов российской молодежи сосредоточились преимущественно терминальные (по терминологии М. Рокича [Rokeyach, 1973]) компоненты: любимое дело, счастливая семья, надежные друзья. Обязательной составляющей позитивного образа будущего являются путешествия. Интересно, что инструментальные ценности (*то есть ценности-средства*), такие как образование, построение карьеры, создание бизнеса и т. д., не так значимы и отдалены / не связаны с терминальным ядром ценностных предпочтений. Цифровое поколение не рассматривает в качестве продуктивной жизненную стратегию предшествующих поколений, чей жизненный успех коренился в инструментальных ценностях образования и построения карьеры. Носители активистского типа протестного потенциала в своих ценностных предпочтениях почти полностью совпадают со «зрителями» и «вовлеченными». Единственное, но при этом существенное отличие заключается в несколько большей связанности терминального ядра с инструментальными «иметь интересную работу» и «честно прожить свою жизнь». Наиболее яркие отличия наблюдаются в ценностном профиле носителей «лидерского» протестного потенциала. В ядре их ценностных предпочтений наряду с терминальными ценностями находятся инструментальные компоненты: образование, карьера, интересная работа.

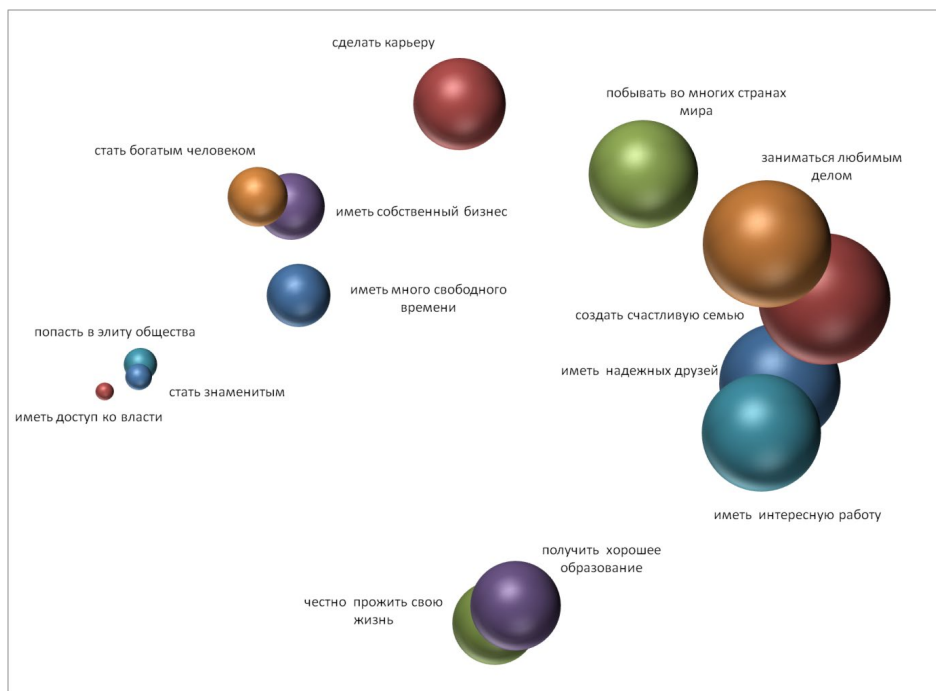


Рисунок 7. Структура системы ценностей (целей в жизни) современной российской молодежи: результаты многомерного шкалирования, 2019 г.

Таким образом, если для «зрителей» и «вовлеченных» доминантой ценностного выбора являются микросоциальные ориентиры и удовольствие от жизни, для «активистов» значимым выступает некий идеал социального активизма, связанный с особой миссией/непопулярной жизненной стратегией (честно прожить жизнь), стимулирующий выбор борьбы как основной стратегии, то для «лидеров» в большей мере важны достижительные ценности и ценности реализации. То есть наибольший потенциал протестной активности проявляют вовсе не типичные представители цифрового поколения, а те, чей ценностный выбор и стратегии цифрового гражданства скорее отклоняются от общераспространенных.

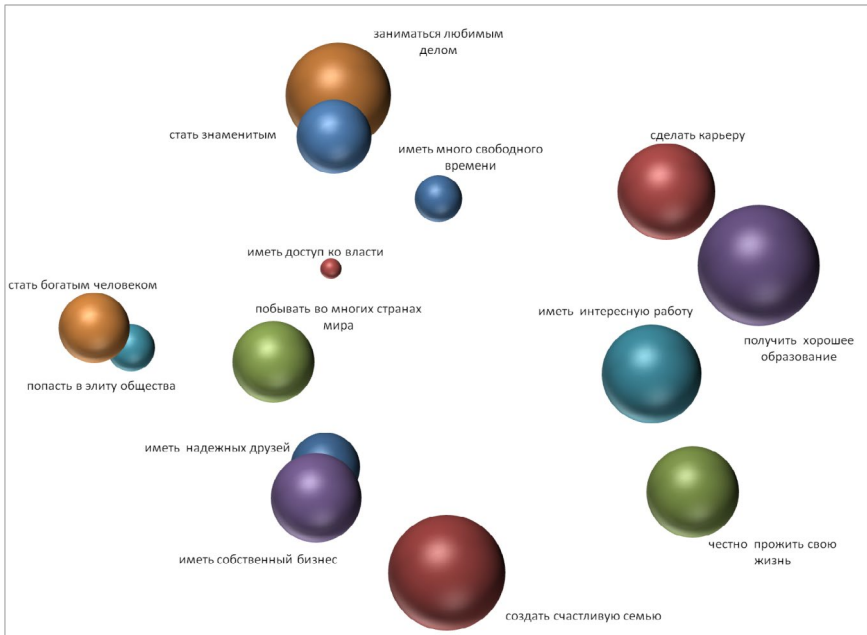


Рисунок 8. Структура системы ценностей (целей в жизни) «лидеров» протеста: результаты многомерного шкалирования, 2019 г.

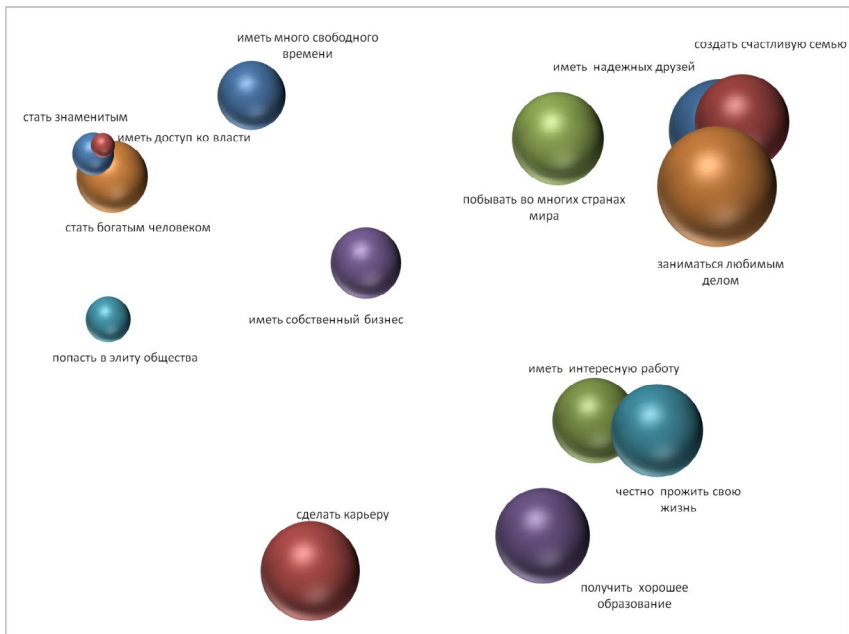


Рисунок 9. Структура системы ценностей (целей в жизни) «активистов» протеста: результаты многомерного шкалирования, 2019 г.

## Базовые выводы

1. Традиционные теории и концепции, портretiрующие цифровое поколение, выделяющие в качестве базового критерия принадлежности к новой генерации цифровых граждан год рождения, не являются универсальными и во многом утратили эвристическую ценность в условиях существенной диверсификации условий и скорости распространения массового интернета и мобильных технологий. Помимо этого, глобальные измерения цифровизации демонстрируют значительную дифференциацию величины национальных интернет-аудиторий, сложившихся интернет-культур и стратегий онлайн-поведения, отражающих специфику социально-экономического, культурного и политического развития стран, входящих в «сетевой клуб».

2. Наиболее продуктивны для понимания природы цифровых граждан подходы, включающие в систему критериев определения принадлежности к цифровому поколению количественные и качественные характеристики онлайн-поведения: интенсивность и регулярность, характер и направленность интернет-практик, доминирующий тип потребляемого цифрового контента. Наконец, для исследования цифрового гражданства, понимаемого как совокупность ценностей, норм, установок, обеспечивающих безопасное, ответственное и эффективное использование интернет-коммуникаций, необходимо ценностное профилирование пользователей, все чаще переносящих гражданскую и политическую активность в виртуальное пространство.

3. Результаты всероссийского массового опроса молодежи в России позволяют сделать выводы об общих для цифровых поколений различных стран и специфических характеристиках, присущих молодым российским пользователям. К общим чертам мы можем отнести следующие: перенос гражданских и политических практик в пространство цифровых коммуникаций; многообразие стратегий цифрового гражданства; доминирование микросоциального ценностного запроса.

4. Специфика цифрового гражданства молодых российских пользователей отражает интенсивность и направленность информационных потоков в социальных медиа, стимулирующих актуализацию протестного потенциала пользователей. Интересно, что, согласно результатам прикладного исследования, наибольший потенциал протестной активности проявляют вовсе не типичные представители цифрового поколения, а те, чей ценностный выбор и стратегии цифрового гражданства скорее отклоняются от общераспространенных.

Таким образом, мы можем констатировать, что более высокий по сравнению с предыдущими поколениями протестный потенциал молодых цифровых граждан не является поколенческой характеристикой, а скорее формируется в условиях конкретной цифровой среды и отражает социокультурные и иные особенности реальной жизни.

## Список литературы (References)

- Коэн Д., Шмидт Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.  
Cohen D., Schmidt E. (2013) The New Digital Age. Reshaping the Future of People, Nations and Business. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publishing House. (In Russ.)

Blank G., Groselj D. (2014) Dimensions of Internet use: Amount, Variety, and Types. *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 4. P. 417—435. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2014.889189>.

Eynon R., Malmberg L.-E. (2011) A Typology of Young People's Internet Use: Implications for Education. *Computers and Education*. Vol. 56. No. 3. P. 585—595. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2010.09.020>.

Herrera L. (2012) Youth and Citizenship in the Digital Age: a View from Egypt. *Harvard Educational Review*. Vol. 82. No. 3. P. 333—352. <https://doi.org/10.17763/haer.82.3.88267r117u710300>.

Howe N., Strauss W. (1992) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: Harper Collins.

Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108613880>.

Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. (2007) *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*. Cambridge, Mass: The MIT Press. <https://doi.org/10.5210/fm.v13i2.2131>.

Rokeach M. (1973) *The Nature of Human Values*. New York: Free Press.

Vromen A. (2017) *Digital Citizenship and Political Engagement*. London: Palgrave Macmillan UK.